

отношения к собственному «я». Человек, который не уважает и не любит самого себя, не может уважать и любить других людей. Особое внимание уделяется теории известного американского исследователя Дж. Де Во, который раскрывает «механизмы» того процесса, как «я» одновременно включаются в культуру и в социально-иерархическую структуру современного социума. Дж. Де Во определяет понятие «этничности» как отождествление себя с определенной культурной традицией. При этом исследователь дополняет это понятие другим понятием - «этнической группы», которая и сохраняет этнокультурное своеобразие. Человек выступает как духовное существо, которое постоянно меняет собственные смыслы, в этой смене смыслов актуализируются все характеристики конкретного социума - экономические, политические, социальные, культурные и др.

Ключевые слова: самореализация, самоидентификация, самоактуализация, социум, культура, традиции, человек, личность, смыслы, отношения, осознание, сообщество, общность, духовность, сознание.

L. Konotop

PHENOMENON OF SELF-ACTUALIZATION: FEATURES OF INTERPRETATIONS

Introduction. The article examines the essential characteristics of the phenomenon of self-actualization of "I", basic variants of its philosophical interpretations. The urgency of this problem is directly related to the crisis in many areas of modern societies, which invalidate the personality as such. The problem of development of all the essential forces of man, realization of such vital potentials as "good", "love", "dignity", "conscience" and others becomes especially urgent in modern times. **The aim and tasks:** comprehensive, interdisciplinary, holistic, integral philosophical and anthropological reflection of socio-cultural bases of self-realization of the individual in the conditions of fundamental transformation of the main features of the world community in the XXI century. **Research methods.** The classical works under analysis include philosophical and psychological studies of the existential and humanistic schools (L. Binswanger, A. Maslow, R. May, K. Rogers, W. Frankl, E. Fromm and others). The point is that human self-identification, self-realization is determined by the attitude to one's own "I". A person, who does not respect and love himself has no respect and love for others. Particular attention is paid to the theory of the famous American Researcher J. De Vaux, who reveals the "mechanisms" of inclusion of the "I" into culture and socio-hierarchical structure of modern society simultaneously. J. De Vaux defines the concept of "ethnicity" as man's identification with a certain cultural tradition. At the same time, the researcher complements this concept with another of "ethnic group", which its ethno-cultural identity. **Research results.** Man acts as a spiritual being who constantly changes his own meanings, in this change of meanings are actualized all the characteristics of a particular society - economic, political, social, cultural and others. **The conclusion.** Unfortunately, modern Ukrainian society does not and cannot use those philosophical positions that are extremely necessary not only for the unity of the Ukrainian people, for the development of its potential, but also for the formation of each person, for the education and formation of a mature Ukrainian nation. Mankind has entered a fundamentally new phase of its historical movement. Today is a continuous crisis in the economic, social, religious, cultural and other spheres of society. Some researchers believe that today's processes are the emergence of a new information society, others see the "completion" of European values, and perhaps all of humanity, and others call modernity the postmodern era. Ukraine has majestic traditions for actualizing not only the world, but also its own spiritual experience, its own teachings, theories and concepts, and everything depends on their practical implementation in the real life of Ukrainian society.

Key words: self-realization, self-identification, self-actualization, society, culture, traditions, person, personality, meanings, attitudes, awareness, community, spirituality, consciousness.

DOI: <http://doi.org/10.18372/2412-2157.32.15098>

УДК 576.82

В. И. Оноприенко

ЛЫСЕНКОВЩИНА: ПЕРЕКОСЫ В НАУЧНОМ ЭТОСЕ

Институт исследований научно-технического потенциала
и истории науки имени Г.М. Доброва НАН Украины, valonopr@gmail.com

Аннотация. Лысенковщина – термин, вошедший в широкий оборот в годы перестройки. Под ним понимают практику борьбы с конкурентами с помощью властных структур. Лысенковщина сложилась в СССР в условиях жёсткого распределения средств на научные исследования без всесторонней экспертизы и без учёта состояния мировой науки. Суть лысенковщины – в культе и монополии одного учёного, тогда как его оппоненты подвергаются с помощью карательных органов шельмованию и преследованию, вплоть до уничтожения. Академик Т. Д. Лысенко и его сторонники добились с помощью властных структур в 1930-1960 гг. монопольного положения в биологической науке СССР. Десятилетия господства лысенковщины оказались тяжёлым бременем для отечественной науки, экономики и сельского хозяйства. Они перечеркнули многие реальные достижения генетики, задержали «зелёную революцию». Этот ущерб ощутим и в наши дни: лженаучные идеи Т. Д. Лысенко были внедрены в преподавание биологии в средней и высшей школе, и несколько поколений людей были лишены возможности получить правильные представления об основных законах биологии. Многие трудно исчислимы потери, которые до сих пор несут сельскохозяйственная практика, селекционное и племенное дело, экология, лесное хозяйство, представляют собой вторичные эффекты деятельности Т. Д. Лысенко. Особенно сильно они проявились в научном этосе, фактически они не изжиты до конца.

Ключевые слова: этос науки, Т. Д. Лысенко, лысенковщина, лысенкоизм, растениеводство, селекция, генетика, яровизация.

Введение

С середины 1940-х гг. лысенковщина рассматривалась как пример деградации науки в условиях жёсткого государственного управления. Позднее начались исследования лысенковщины как социально-политического явления Холодной войны. При этом отмечался факт длительного её существования, устойчивости стереотипов её проявления, тенденции к возобновлению в совершенно иных обстоятельствах. Всё это приходится учитывать при анализе лысенковщины. Философы долгое время поддерживали агрессивные идеологические аргументации Т. Д. Лысенко и его

приспешников. Новая традиция анализа зародилась в трудах И. Т. Фролова (Фролов, 1973; Фролов, 1976; Фролов, 1986). Она обозначила переход к новому мышлению. В наши дни, в отличие от периода «перестройки», критический анализ лысенковщины следует связывать с современной эпистемологией науки, примеры которой мы можем найти и в публикациях этого журнала (Дротянко, 2017; Оноприенко, 2019; Yahodzynskiy, 2017).

Цель статьи – продемонстрировать новые тенденции философского анализа лысенковщины. Актуальность такого анализа не только не спадает, а, напротив, она растёт в условиях реанимации

тенденций жёсткого режима управления научной сферой в ходе затяжного кризиса.

Суть **методологии исследования** состоит, по предложению Э. И. Колчинского (Колчинский, 2017), в разграничении терминов «лысенкоизм» и «лысенковщина», которые до недавнего времени использовались как синонимы. Термином «лысенкоизм» обозначают совокупность концепций (агробиология, мичуринская биология, советский творческий дарвинизм), представлявших собой причудливую смесь агрономических приёмов, догенетических представлений о наследственности и изменчивости и постулатов разных эволюционных гипотез (механоламаркизм, селекционизм, сальтационизм и т. д.). В первые годы Холодной войны лысенкоизм имел немало сторонников не только в странах, контролируемых СССР, но и в ряде государств западного блока, включая Италию, Мексику, Францию и, особенно, Японию. «Лысенковщиной» со времен перестройки обычно называют практику борьбы с конкурентами с помощью властных структур в условиях жёсткого распределения средств на научные исследования без экспертизы и учёта достижений мировой науки. Лысенковщина базировалась на монополии одного учения, провозглашенного единственно верным, тогда как его оппоненты подвергались шельмованию и преследованиям вплоть до уничтожения. Эта практика широко использовалась в СССР и, в какой-то степени, в некоторых странах Восточной Европы и Азии (в Болгарии, Венгрии, КНР, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии и др.). В некотором смысле, такой подход на самом деле является методологически продуктивным.

Результаты

Сложный путь эволюционной теории в СССР.

Ценный материал по истории биологических наук в СССР в XX веке, прежде всего по истории эволюционного учения путём разработки архивных документов и массива аналитики, получен Э. И. Колчинским. Среди его трудов (их более 1200) выделяется колоссальная итоговая монография «Единство эволюционной теории в разделённом мире XX века» (Колчинский, 2015). В этой статье приведу материал его раздела из трехтомного проекта Института истории естествознания и техники РАН «Вихревая динамика истории науки и техники в России / СССР. XX век» (Колчинский, 2018). Э. И. Колчинский приводит распространённое клише «Россия – вторая родина дарвинизма», в котором выражена частица истины, – действительно эволюционизм сразу занял особое место в общественной и культурной жизни страны. Хотя взгляды приверженцев Ч. Дарвина сильно отличались между собой, его труды всегда находились в центре острых социально-политических, философско-религиозных и этических дискуссий, от русских радикалов пошла традиция видеть в дарвинизме естественнонаучную основу преобразования общества.

В начале XX века дарвинизм переживал кризис из-за противоречий с генетикой, одновременно расширялись попытки использовать принцип отбора

в сельском хозяйстве, здравоохранении, природопользовании, социологии. Дарвинизм занял видное место в планах вождей и идеологов Октябрьской революции. При этом следует учитывать большой интерес к эволюционной проблематике в научном сообществе российских / советских биологов, спрос на переводы классических и современных зарубежных эволюционистов, с 1939 г. стали публиковать академическое собрание сочинений Ч. Дарвина в 10 томах, в 1935-1937 г. издали два тома Ж. Б. Ламарка. В свою очередь, многие советские биологи-эволюционисты печатались в ведущих зарубежных изданиях. За рубежом были изданы труды Л. С. Берга, Р. Л. Берг, Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, Г. Ф. Гаузе, В. А. Догеля, Н. П. Дубинина, С. Г. Навашина, А. И. Опарина, А. Н. Северцова, А. Л. Тахтаджяна, И. И. Шмальгаузена. Тем самым они получили широкую известность и, если судить по обобщающим книгам зарубежных эволюционистов, оказали заметное влияние на эволюционно-биологические исследования в других странах. Всё это создавало благоприятные условия для нового эволюционного синтеза, осознанного именно в СССР впервые как стратегическая цель в познании эволюции. В то время, когда в большинстве своем зарубежные биологи мало интересовались проблемами эволюции, их советские коллеги всячески старались подчеркнуть эволюционную значимость своих исследований.

К середине 1920-х гг. центрами дискуссий стали Секция естественных и точных наук Комкадемии, Общество биологов-материалистов, возникшее в 1925 г. в Москве, и Естественнонаучная секция НОМ в Ленинграде. Тон сразу задали генетики, которых оппоненты обвиняли в метафизике и автогенезе за признание неизменных генов, независимых от среды, в биологизации человека. В свою очередь, А. С. Серебровский и его сотрудники-выпускники естественнонаучного отделения ИКП И. И. Агол и В. Н. Слепков, а также начинающий генетик Н. П. Дубинин пытались с позиции марксизма обосновать синтез теории естественного отбора и генетики. Не столько в экспериментах, сколько в цитатах из Ф. Энгельса, они черпали аргументы о том, что борьба за дарвинизм и за диалектический метод в эволюционной теории – звенья одной цепи. Наиболее последовательно эту линию проводил И. И. Агол в книге «Эволюционная теория и диалектический материализм». Его основной тезис состоял в том, что теория Ч. Дарвина – не просто естественнонаучная концепция, но и философско-методологическая основа любого биологического исследования.

Сходной позиции придерживались Л. Я. Бляхер, М. Л. Левин, С. Г. Левит, М. М. Местергази, И. М. Поляков. Все они доказывали, что, выдвинув теорию естественного отбора, Ч. Дарвин объяснил причины эволюции, происхождение органической целесообразности и многообразие живых форм. Успех дарвинизма, по их мнению, был обусловлен материалистической трактовкой причин эволюции и раскрытием статистического характера причинности, относительного характера целесообразности живого и т. д.

Ламаркисты резко критиковали генетику. Сначала среди них были биологи-марксисты (И. И. Агол, С. Г. Левит, В. Н. Слепков), которые вскоре сами стали генетиками и уже защищали её от своих недавних единомышленников. Но тогда усилия искусственно получить мутации были безрезультатны, и обвинения генетики в постулировании независимости генов от внешней среды казались им справедливыми. Центральное место заняли евгенические проблемы, так как критики генетики и дарвинизма указывали, что генетика задержит социальные преобразования в нашей стране, её лидеры (Н. К. Кольцов, А. С. Серебровский, Ю. А. Филипченко и др.) были инициаторами евгенических исследований. Потому борьба с евгеникой для многих биологов-марксистов означала и неприятие генетики. В ходе полемики с ламаркистами ученики и сотрудники Н. И. Вавилова и Ю. А. Филипченко оставались в рамках академической дискуссии. Часть же московских генетиков старались идеологизировать и политизировать спор, в котором особо активен был А. С. Серебровский и его ученик, будущий академик Н. П. Дубинин. Используя данные о мелких мутациях, фенотипическом эффекте полиплоидии, новообразованиях при гибридизации, он уверял, что генетика уже подошла к дарвиновскому пониманию эволюции. Его же оппоненты в неприятии генетиками наследования приобретенных признаков усматривать политические и классовые корни, заставляющие их отрицать возможность воспитания всесторонне развитого человека из представителей рабочего класса и крестьянства. Эти дискуссии, правда, потерявшие свой накал, продолжались и в 1930-е годы.

Лысенкоизм как мировой феномен.

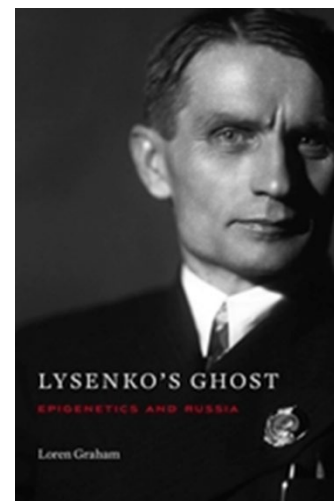
Лысенкоизму как мировому феномену посвящены симпозиумы историков науки в Нью-Йорке (2009), Токио (2012), Вене (2012) и Праге (2014, 2016), выпуски журналов «Историко-биологические исследования» (2011, № 2; 2015, № 2), «Journal of the History of Biology» (2012, № 2). В 2016 г. в США опубликована книга известного историка науки Л. Грэхема «Дух Лысенко: Эпигенетика и Россия» (Graham, 2016). В 2017 г. под редакцией В. Йонг де Ламберта и Н. Л. Кременцова вышли два тома коллективной монографии «Споры о Лысенко как глобальном феномене: генетика и сельское хозяйство в Советском Союзе и в других странах» (Lysenko, 2017) – результат многолетнего международного проекта, в котором участвовали историки науки из Англии, Венгрии, Италии, Мексики, России, Румынии, США, Чехии, Японии и др.

Книга Л. Грэхема привлекает особое внимание. Лорен Грэхэм – крупнейший специалист по истории российской науки, особенно советского периода, учился в аспирантуре философского факультета МГУ, многократно бывал в СССР. Он счёл современную дискуссию вокруг научного наследия Т. Д. Лысенко достойной специального монографического рассмотрения в различных аспектах: историко-научном, социально-политическом, социально-психологическом и т. д. Тема лысенкоизма для него не нова – к ней он не раз обращался в своих публикациях 1970-1990-х гг. По собственному признанию Л. Грэхема, в этой книге он

впервые отходит от собственной установки социального историка науки и пытается оценить значение трудов Лысенко с позиций науки того времени, а также с учётом её современного состояния (Graham, 2016: 4-5). Он не только и не столько описывает влияние социального контекста деятельности ученого и его среды на развиваемые им взгляды, сколько пытается судить об их истинности или ложности, хотя и понимает относительность подобных суждений, их зависимость от времени и восприятия коллегами и обществом в целом. Ранее давать оценку учёным Л. Грэхэм считал прерогативой самого научного сообщества. Он отказался от традиционного изложения развития взглядов Т. Д. Лысенко в условиях сельскохозяйственного кризиса, идеологизации и политизации всей научной деятельности, массовых репрессий, как это было принято в большинстве работ по лысенкоизму, включая в какой-то степени его собственные прежние труды. Отказ от традиционного пути позволил ему избежать тривиального вывода о том, что в разных социальных условиях наука дает различные результаты.

Приведу некоторые точные замечания о книге Л. Грэхема рецензента книги Э. И. Колчинского (Колчинский, 2017).

Повествование Л. Грэхема концентрируется вокруг трех тем: концепция наследования приобретенных признаков и ее отражение в политике, эпигенетика как новая область знания и ее воздействие на наши взгляды относительно наследования приобретенных признаков и воздействие эпигенетики на Россию, научное сообщество которой имеет трагическую историю в обсуждении именно этой проблемы (Колчинский, 2017: 2). Изучая представления Т. Д. Лысенко в свете современной молекулярной генетики и эпигенетики, автор пытается ответить на вопрос, был ли прав Т. Д. Лысенко и насколько оправданны недавние попытки объявить его великим учёным, предвосхитившим современные достижения генетики и биологии развития. Л. Грэхэм старается не только проанализировать научную значимость неолысенкоизма, но и выяснить глубину его связей с постсоветским контекстом, чтобы спрогнозировать перспективы процветания идей Т. Д. Лысенко в путинской России. В главе «Наследование приобретенных признаков» рассмотрена судьба этой концепции в России и причины ее популярности, особенно в советский период. Среди них, по его мнению, особую роль играли политические факторы:

Книга Л. Грэхема «Призраки Лысенко. Эпигенетика и Россия»

антизападный вектор развития отечественной биологии, преобладание сторонников ламаркизма среди практиков-растениеводов и животноводов и поддержка марксистами идеи наследования приобретенных признаков.

Главному герою книги Л. Грэхэм посвятил две главы – «Лысенко вблизи» и «Биологические взгляды Лысенко», которые позволяют во многом по-новому взглянуть на народного академика. Автор опирается не только на многолетнее изучение более чем четырехсот работ Т. Д. Лысенко (а каждый, кто когда-либо читал хотя бы некоторые из них, знает, насколько непосильно это бремя), но и на личные впечатления от уже упомянутой встречи с ним. Можно только преклонить голову перед трудолюбием Л. Грэхэма, одолевшего бесконечные и малоосмысленные размышления «народного академика». Но доскональный анализ его творческого «наследия» в сопоставлении с трудами предшественников и современников привел автора к обоснованному выводу о вторичности всех «открытий» Т. Д. Лысенко, в том числе и главных: яровизации как агрономического приема обработки семян холодом перед севом, о которой Дж. Эвелин еще в середине XVIII в. докладывал Лондонскому королевскому обществу; вегетативной гибридизации, уходящей корнями к Теофрасту в античной Греции и широко используемой в селекции растений XIX-XX вв., в том числе Ч. Дарвином, Г. Винклером, Л. Бербанком и И. В. Мичуриным; стадийности развития любого многоклеточного организма, известной любому биологу; размножения картофеля не целыми клубнями, а его частями, что культивировалось издавна в период нехватки посадочного материала; чеканки хлопчатника; летней посадки картофеля и т. д., и т. п.

Автор книги допускает, что Т. Д. Лысенко в ранних трудах проявил себя талантливым агрономом, его практические рекомендации были востребованы в страдающей от голода России и что как практик он знал растения лучше теоретика Н. И. Вавилова. По его мнению, в нормальном демократическом обществе Т. Д. Лысенко, возможно, был бы даже талантливым и удачливым фермером-нонконформистом, развивающим собственные нестандартные методы, не причиняющие никому никакого вреда, но и не получающим никакой поддержки. Но в условиях сталинской России его плохо обоснованные рекомендации были разрекламированы газетами и навязаны колхозам для обязательного исполнения. О возможных успехах Т. Д. Лысенко в США судить трудно, но в книге нет примеров практических успехов Т. Д. Лысенко и в СССР. Сам Л. Грэхэм признает, что ни один из рекламируемых Т. Д. Лысенко агрономических приемов не используется сейчас в сельском хозяйстве, а сведения о высоких урожаях от их применения в прошлом, скорее всего, были ложными. На самом деле это было показано еще в первой половине 1930-х гг. в экспериментальных исследованиях отечественных и зарубежных селекционеров и физиологов растений Д. Костова, П. Н. Константинова, П. И. Лисицына, Г. Г. Мак-Кинни, У. Сандо и др.

Вряд ли стоит говорить о Т. Д. Лысенко как о нонконформисте. Он прекрасно чувствовал конъюнктуру, предлагая и общая на каждом этапе своей карьеры именно то, что власть желала от него слышать, и не обращал при этом внимание на

мнение научного сообщества, которое он не любил прежде всего из-за того, что ученых, осмеливавшихся иметь собственные взгляды, не любила сама власть.

Рецензируемая книга рассчитана на западного читателя по замыслу, языку и стилю изложения. Автор пытается прежде всего объяснить ему, как и почему возникли попытки реабилитировать Т. Д. Лысенко и насколько это связано с общественно-политической ситуацией в России. Но и для отечественного читателя она оказывается полезной, позволяя посмотреть на происходящее глазами американского ученого, посвятившего всю жизнь изучению российской науки с максимальной доброжелательностью и объективностью. Естественно, далеко не во всем с автором можно согласиться. Лично я не могу принять одно из конечных суждений автора о научном наследии Т. Д. Лысенко: Где он был прав, он не был оригинален; где он был оригинален, там он оказался неправ. Он был прав в своей вере в наследование приобретенных признаков, но в этом были правы многие его современники и предшественники. Он был оригинален в своих построениях о преобразовании одного вида в другой [...], но мы должны сказать, что в этом он был неправ (Graham, 2016: 141). Скорее, история показала, что Лысенко везде был неправ и уж совершенно точно нигде не был оригинальным. Это относится и к идее наследования приобретенных признаков (Колчинский, 2017).

Представляет интерес, что в Чехословакии дольше, чем в других государствах Восточной и Центральной Европы, даже после разоблачения сталинистской науки, «мягкая» версия «мичуринской биологии» сохранялась по крайней мере, до 1960-х гг. Этому способствовала также Чехословацкая Академия наук (CSAS), созданная в сталинские времена (1952) на основе советской модели науки. Несмотря на это, CSAS способствовала развитию настоящих исследований, давших ценные и оригинальные результаты, но одновременно она помогла просуществовать «мичуринской биологии» дольше, чем в других странах. Парадоксально, но в период господства лысенкоизма были созданы четыре важные научные школы, которые, в конечном счете, позднее стали соответствовать международным научным стандартам и оказали важное влияние на развитие эволюционной биологии как в Восточной, так и в Западной Европе. Это были: школа иммунологии Милана Гашека, школа микробиологии Ивана Малека, школа радиобиологии Фердинанда Герчика и теория эволюции Владимира Дж. А. Новака и теория социопроисхождения. Открытие М. Гашеком иммунологической толерантности интерпретировалось в зоологии с точки зрения растительной гибридизации (Питер Б. Медавар получил Нобелевскую премию по тому же самому открытию, и он признал вклад М. Гашека). Чехословацкая иммунологическая школа получила международное признание, и студенты М. Гашека (бывшего радикального лысенкоиста), эмигрировавшие после советской оккупации в 1968 г., все еще работают в лабораториях американского и европейского континентов. Несомненно, сколько подобных историй можно было бы рассказать о других школах и их основателях, упомянутых выше. Наука в Чехословакии

функционировала как уникальный мост между западной и советской научными системами (Конашев, 2017).

Обсуждение

Рецедивы неолысенковщины. Интерес историков науки к лысенкоизму обусловлен тем, что нарастает вал книг и статей, в которых переписываются трагические страницы советской биологии путем переключения оценок с плюса на минус и перекомбинирования одних и тех же цитат, аргументов, сюжетов и т. д. Всё это стимулирует взглянуть на происходящее с историко-научной точки зрения, воссоздавая социально-культурный контекст возросшего интереса к противостоянию генетиков и неолысенкоистов, а также рассмотреть аргументы новоявленных адептов Т. Д. Лысенко. «Неолысенковщина» порождена циничным игнорированием её методологии, а также базовых научных норм и ценностей. С середины 2000-х гг. пошли публикации с претензиями на «трезвое» переосмысление истории биологии. Первоначально их авторами были в основном люди, далекие от биологии, но искавшие в её прошлом оправдание сталинизма. Книжные прилавки и Интернет заполнили многотысячными тиражами книгами: «Генетика – продажная девка: познание мира или кормушка» (2006) «Дело генетиков (2008)», «Лженаука генетика: Чума XX века» (2010)», «Почему Сталин защищал Лысенко» (2011) и др.

В последние полтора года в кампанию по реабилитации Т. Д. Лысенко включились даже видные генетики (Л. А. Животовский, С. И. Малецкий), которые снабжают свои рассуждения ссылками на эпигенетику, прионы, теорию стадийного развития, как бы вводя дискуссию в академическое пространство. Это вызвало всплеск рецензий, интервью, писем в общественно-литературных журналах и газетах. Дискуссия последних лет доказала, что на сегодня нет историко-научных оснований для переоценки деятельности Т. Д. Лысенко как учёного и организатора науки. Критика же генетики в духе прошлого идеолого-политического шельмования связана с намерениями вновь вовлечь власть в дискуссию, где к прежним обвинениям генетиков в бесплодности и в пропаганде чуждой науки добавлены невежество, шарлатанство, создание мафиозных структур и русофобия.

Необходимость изучения этого феномена в философском и историческом аспектах диктуется тем, что приёмы действия и «аргументация» сторонников неолысенковщины затрагивают коренные вопросы этоса научного сообщества и его взаимоотношений с властями. Большинство учёных, в том числе и историки биологии, далеки от сути уходящих в далёкое прошлое споров о возможности наследования приобретённых признаков и о якобы состоявшемся подтверждении взглядов Т. Д. Лысенко молекулярной биологией, биологией развития, эпигенетикой и т. д. Но они не желают возвращения лысенковщины как способа организации науки, при котором научные вопросы решались с помощью властных структур, а доносы и репрессии служили важнейшим способом доказательства той или иной научной концепции и её социальной значимости.

Выводы

Лысенкоизм исследовался ещё в советской научной историографии. Менее исследованной оказалась проблема лысенковщины, которая намного более важна, поскольку сегодня предпринимаются попытки восстановить именно лысенковщину, а не лысенкоизм. Лысенковщина – это социальная практика, включающая в качестве субъектов учёных, конкурирующих за влияние во власти и обществе. Имеются десятки публикаций, в том числе известных учёных, прославляющих «успехи» Т. Д. Лысенко в прикладной биологии и обвиняющих Н. И. Вавилова в отказе сосредоточиться на «реальных» проблемах сельского хозяйства. Нужно принимать во внимание национальные чувства, разделяемые правящей элитой, а также частью российского общества, при объяснении возрождения лысенкоизма и лысенковщины в посткоммунистической России. Основная причина их возрождения, которое может быть названо неолысенковщиной, лежит в современных отношениях общества и государства к науке в России, и особенно в росте антинаучных настроений в обществе и среди правящей элиты, соединённом с растущим влиянием религиозного фундаментализма. В некоторой степени возрождение лысенкоизма может быть также объяснено академическими традициями российских биологов, многие из которых учили биологию по учебникам, написанными защитниками Т. Д. Лысенко. В Украине пролысенковские настроения тоже распространены. Например, здесь возникла идея сооружения в Одессе памятника Т. Д. Лысенко. Лысенковщина пустила глубокие корни в менталитете народа и в научном этосе.

Список литературы

1. Дротянко Л. Г. Міждисциплінарні дослідження в контексті розвитку високих технологій / Л. Г. Дротянко // Вісник Нац. Авіаційного ун-ту. Філософія. Культурологія. – 2017. – Вип. 2 (26). – С. 5-8.
2. Колчинский Э. И. Единство эволюционной теории в разделённом мире XX века / Э. И. Колчинский. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 824 с.
3. Колчинский Э. И. «В бой идут одни старики», или о перспективах возрождения лысенкоизма в России / Э. И. Колчинский // Вопросы истории естествознания и техники. – 2017. – Вып. 38. № 2. – С. 365-384.
4. Колчинский Э. И. Неолысенковщина и история науки / Э. И. Колчинский // Матеріали VI міжнародної наукової конференції "Селекційно-генетична наука і освіта" (Паріві читання) (Умань, 15-17 березня 2017 року). – С. 115-119.
5. Колчинский Э. И. Сложный путь эволюционной теории в СССР / Э. И. Колчинский // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия / СССР. Первая половина XX века. – Т. 2. – М., 2018. – С. 441-500.
6. Конашев М. Б. Обзор работы симпозиума «От лысенкоизма до эволюционной биологии» / М. Б. Конашев // Историко-биологические исследования. – 2017. – Т. 9. – № 3. – С. 149-152.
7. Лысенко Т. Д. Агробиология. Сб. работ по вопросам генетики, селекции и семеноводства / Т. Д. Лысенко. – М., Сельхозгиз, 1943. – 352 с.
8. Оноприенко В. И. Методологические ресурсы новой эпистемологии науки / В. И. Оноприенко // Вісник Нац. Авіаційного ун-ту. Філософія. Культурологія. – 2019. – Вип. 2 (30). – С. 22-31.
9. Фролов И. Т. Методологические принципы теоретической биологии / И. Т. Фролов. – М.: Знание, 1973. – 64 с.
10. Фролов И. Т. Менделизм и философские проблемы современной генетики / И. Т. Фролов, С. А. Пастушный. – М.: Мысль, 1976. – 263 с.
11. Фролов И. Т. Этика науки. Проблемы и дискуссии / И. Т. Фролов, Б. Г. Юдин. – М.: Политиздат, 1986. – 399 с.

12. Graham L. Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia / L. Graham – Cambridge: Harvard University Press, 2016. – 224 p.

13. Yahodzinskiy S. N. The mathematization of science: methodological aspect // Вісник Нац. Авіаційного ун-ту. Філософія. Культурологія. – 2017. – Вип. 1 (25). – С. 37-41.

14. Lysenko Controversy as a Global Phenomenon. Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond [Eds. William de Jong-Lambert and Nikolai Krementsov]. – Cham; Switzerland: Springer International Publishing AG, 2017. – Vol. 1. – 189 p.;

15. Lysenko Controversy as a Global Phenomenon. Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond [Eds. William de Jong-Lambert and Nikolai Krementsov]. – Cham; Switzerland: Springer International Publishing AG, 2017. – Vol. 2. – 243 p.

References

1. Drot'yanko, L. (2017). Mizhdistsiplinari doslidzhennya v konteksti rozvitku visokikh tekhnologii [Interdisciplinary Research in the Context of High Technologies Development]. *Visnyk Natsionalnoho aviatsiinoho universytetu, Proceedings of the National Aviation University*, 2 (26): 5-8 [in Ukrainian].

2. Kolchinskii, E. (2015). Edinstvo evolyutsionnoy teorii v razdelenom mire XX veka [Unity of evolutionary theory in the divided world of the XX century]. Retrieved from URL: http://www.vir.nw.ru/seminar_v/10_12_2015.pdf [in Russian].

3. Kolchinskii, E. (2017). «V boi idut odni stariki», ili o perspektivakh vrozozhdeniya lysenkoizma v Rossii [“Only Old people Are Going into Battle”, or about the prospects for the revival of Lysenkoism in Russia]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki, Issues of the history of natural science and technology*, 38 (2): 365-384 [in Russian].

4. Kolchinskii, E. (2017). Neolysenkovshchina i istoriya nauki [NeoLysenkoism and history of science]. *Materialy VI mizhnarodnoi naukovoï konferentsii "Selektsiino-henetychna nauka i osvita", Proceedings of the VI International Scientific Conference "Breeding and Genetic Science and Education"* (from March, 2017), 115-119 [in Russian].

5. Kolchinskii, E. (2018). Slozhnyi put evolyutsionnoi teorii v SSSR // Vkhrevaya dinamika razvitiya nauki i tekhniki. Rossiya / SSSR. Pervaya polovina XX veka. Vol. 2: 441-500. Moscow [in Russian].

6. Konashev, M. (2017). Obzor raboty simpoziuma «Ot lysenkoizma do evolyutsionnoi biologii» // Istoriko-biologicheskie issledovaniya. Vol. 9, 3: 149-152 [in Russian].

7. Lysenko, T. (1952). Agrobiologiya. Sb. rabot po voprosam genetiki, selektsii i semenovodstva. Moscow: Selkhozgiz.

8. Onoprienko, V. (2019). Metodologicheskie resursy novoi epistemologii nauki. *Visnyk Natsionalnoho aviatsiinoho universytetu, Proceedings of the National Aviation University*, 2 (30): 22-31 [in Russian].

9. Frolov, I. (1973). Metodologicheskie printsipy teoreticheskoi biologii [Methodological principles of theoretical biology]. Moscow: Znanie [in Russian].

10. Frolov, I., Pastushnyi, S. (1976). Mendelizm i filosofskie problemy sovremennoi genetiki [Mendelism and philosophical problems of modern genetics]. Moscow: Mysl [in Russian].

11. Frolov, I. (1986). Etika nauki. Problemy i diskussii [Ethics of science. Problems and Discussions]. Moscow: Politizdat [in Russian].

12. Graham, L. (2016). Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia. Cambridge: Harvard University Press.

13. Yahodzinskiy, S. (2017). The mathematization of science: methodological aspect. *Visnyk Natsionalnoho aviatsiinoho universytetu, Proceedings of the National Aviation University*, 1 (25): 37-41.

14. Lysenko Controversy as a Global Phenomenon. Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond [Eds. William de Jong-Lambert and Nikolai Krementsov]. – Cham; Switzerland: Springer International Publishing AG, 2017. – Vol. 1. – 189 p.;

15. Lysenko Controversy as a Global Phenomenon. Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond [Eds. William de Jong-Lambert and Nikolai Krementsov]. – Cham; Switzerland: Springer International Publishing AG, 2017. – Vol. 2. – 243 p.

V. I. Онопрієнко

ЛИСЕНКІВЩИНА: ПЕРЕКИС У НАУКОВОМУ ЕТОСІ

Лисенківщина – термін, який увійшов в широкий обіг в роки перебудови. Під ним розуміють практику боротьби з конкурентами за допомогою владних структур. Лисенківщина склалася в СРСР в умовах жорсткого розподілу коштів на наукові дослідження без всебічної експертизи та без урахування стану світової науки. Сутність лисенківщини – в культі і монополії одного вченого, тоді як його опоненти піддаються за допомогою каральних органів шельмуванню і переслідуванню, аж до знищення. Академік Т. Д. Лисенко і його прихильники добилися за допомогою владних структур в 1930-1960 рр. монопольного становища в біологічній науці СРСР. Десятиліття панування лисенківщини виявилися важким тягарем для вітчизняної науки, економіки та сільського господарства. Вони перекреслили багато реальних досягнень генетики, затримали «зелену революцію». Цей збиток відчутний і в наші дні: псевдонаучні ідеї Т. Д. Лисенко були впроваджені у викладання біології в середній та вищій школі, і кілька поколінь людей були позбавлені можливості отримати правильні уявлення про основні закони біології.

Ключові слова: етос науки, Т. Д. Лисенко, лисенківщина, лисенкоїзм, рослинництво, селекція, генетика, яровизація.

V. Onoprienko

LYSENKOISM: DISTORTION OF THE SCIENTIFIC ETHOS

Introduction. Lysenkoism is a term that came into wide circulation during the years of perestroika. It is defined as the practice of fighting against competitors with the help of power structures. Lysenkoism developed in the USSR under conditions of a rigid distribution of funds for scientific research without comprehensive expertise and without taking into account the state of world science. The essence of Lysenkoism is the cult and monopoly of one scientist, while his opponents are subjected to defamation, persecution, and destruction by the punitive organs. Academician T.D. Lysenko and his supporters achieved the monopoly position in the biological science of the USSR by the power structures in 1930-1960. The aim of the article is to demonstrate new trends in the philosophical analysis of Lysenkoism. **Research methodology.** Scientific program of T.D. Lysenko was confused and archaic: Michurin agrobiology with its exotic recommendations, Lamarckian ideas about the possibility of directed transformations of species, Soviet creative Darwinism, the theory of stage development, designed to explain the nature of organisms and the ways of their transformation. At the same time, Lysenkoism was extremely aggressive, denying the rapidly progressing genetics the right to exist. **Research results.** In the USSR, the authorities turned out to be sensitive to arguments about the ideological component of biological concepts and to scientists' denunciations of each other. Lysenko managed to turn such argumentation into the main method of proving his innocence, and, speculating on the class, national and religious hatred incited by the authorities, predetermined the fate of Russian biology for several decades. At all stages of his career, Lysenko proved to be a sober and calculating politician, a skillful orator and an unsurpassed master in breaking through his ideas and interests through intrigue, demagoguery and generous, but impracticable promises. **Discussion.** The decades of Lysenko's domination turned out to be a heavy burden for the national science, economy and agriculture. They canceled out many of the real achievements of genetics, delayed the "green revolution". This damage is palpable today: Lysenko's pseudoscientific ideas were introduced into the teaching of biology in secondary and high schools, and several generations of people were deprived of the opportunity to get the correct ideas about the basic laws of biology. **Conclusions.** Many hard-to-quantify losses still incurred by agricultural practice, breeding ecology, and forestry as secondary effects of Lysenko's activities. They manifested themselves especially strongly in the scientific ethos; in fact, they have not been completely eliminated.

Key words: Lysenko T.D., Lysenkoism, plant growing, selection, genetics, vernalization.